Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 66–76.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 66–76.

Интервью
УДК 327(510:520)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

Секьюритизация памяти или стратегический разворот? Китайско-японский узел противоречий

Дмитрий Викторович Стрельцов
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru
Яна Валерьевна Лексютина
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, lexyana@ya.ru
Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. Новый виток напряжённости между Китаем и Японией, вызванный жёсткими публичными заявлениями сторон, вновь актуализировал вопрос о характере и глубине их противоречий. Речь идёт не только о конкретном дипломатическом эпизоде, но и о более широкой проблеме: отражает ли нынешняя риторическая эскалация привычную для Пекина и Токио дискурсивную конфронтацию или свидетельствует о качественных изменениях в их отношениях на фоне трансформации региональной среды. Китайско-японские отношения продолжают формироваться под воздействием сразу нескольких факторов: исторической памяти, политико-идеологических различий, стратегического соперничества, роли США, а также сохраняющейся, но всё более уязвимой экономической взаимозависимости. На этом фоне особый интерес представляют вопросы о том, кому адресованы нынешние политические сигналы, насколько исторические и культурные противоречия по-прежнему определяют двустороннюю повестку, как меняется баланс между геополитической конкуренцией и геоэкономической взаимозависимостью и способны ли региональные механизмы сдерживать дальнейшую эскалацию. Предлагаемое интервью построено как диалог китаиста и япониста и ориентировано на обсуждение не только текущего обострения, но и его более глубоких исторических, институциональных и геоэкономических оснований. В центре внимания – причины и адресаты взаимных выпадов Пекина и Токио, роль США и региональной архитектуры безопасности, влияние технологической конкуренции и экономического разъединения, а также возможные сценарии дальнейшего развития китайско-японских отношений, включая место России в этой меняющейся конфигурации.
Ключевые слова: *китайско-японские отношения, тайваньский вопрос, секьюритизация исторической памяти, региональная безопасность, экономическая взаимозависимость, роль США, Россия, Восточная Азия*
Для цитирования: Стрельцов Д. В., Лексютина Я. В., Журбей Е. В. Секьюритизация памяти или стратегический разворот? Китайско-японский узел противоречий // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 66–76. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

Interview
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

Memory Securitization or Strategic Realignment? The Nexus of Sino-Japanese Tensions

Dmitry V. Streltsov
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru
Yana V. Leksyutina
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lexyana@ya.ru
Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract. The latest escalation of tensions between China and Japan, triggered by hard-line public statements from both sides, has once again brought the nature and depth of their disagreements to the fore. This is not merely an isolated diplomatic episode, but part of a broader question: does the current rhetorical escalation reflect the familiar pattern of discursive confrontation between Beijing and Tokyo, or does it signal a qualitative shift in their relations amid the transformation of the regional environment? Sino-Japanese relations continue to be shaped by several factors at once: historical memory, political and ideological differences, strategic rivalry, the role of the United States, and an economic interdependence that persists but is becoming increasingly vulnerable. Against this backdrop, several questions are of particular interest: who are the current political signals intended for; to what extent do historical and cultural tensions continue to shape the bilateral agenda; how is the balance between geopolitical competition and geoeconomic interdependence changing; and are regional mechanisms capable of containing further escalation? The interview is structured as a dialogue between a China specialist and a Japan specialist and seeks to explore not only the current deterioration in relations, but also its deeper historical, institutional, and geoeconomic foundations. It focuses on the causes and intended audiences of the confrontational rhetoric exchanged by Beijing and Tokyo, the role of the United States and the regional security architecture, the impact of technological competition and economic decoupling, and possible trajectories for the future development of Sino-Japanese relations, including Russia's place in this changing configuration.
Keywords: *Sino-Japanese relations, the Taiwan issue, securitization of historical memory, regional security, economic interdependence, the role of the United States, Russia, East Asia*
For citation: Streltsov D. V., Leksyutina Ya. V., Zhurbey E. V. Memory Securitization or Strategic Realignment? The Nexus of Sino-Japanese Tensions // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 66–76. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

© Стрельцов Д. В., Лексютина Я. В., Журбей Е. В., 2026

Блок I. Событийный контекст и дискурсивная динамика

Журбей Е. В.: Является ли обмен жесткими заявлениями представителей власти Японии и Китая выражением качественных изменений в их отношениях? Изменения в риторике сторон остаются в пределах традиционного для них дискурса или свидетельствуют о чем-то большем?

Стрельцов Д. В.: 7 ноября 2025 г. премьер-министр Санаэ Такаити, отвечая на вопрос в японском парламенте, заявила, что применение военной силы военными кораблями в случае кризиса в Тайваньском проливе может привести к "угрозе выживанию" Японии. В Пекине эти комментарии расценили как провокацию: в интерпретации японского премьера Силы самообороны получают право участвовать в боевых операциях по "защите Тайваня", пусть и в рамках "коллективной самообороны".

В ответ Пекин стал демонстрировать категорическое неприятие заявления. И хотя по сравнению с прошлыми эскалациями экономические и военные меры были сравнительно ограниченными, они свидетельствовали о беспрецедентном кризисе. 6 января 2026 г. Министерство коммерции КНР объявило о запрете на экспорт в Японию всех товаров двойного назначения; одновременно был приостановлен импорт, частично возобновлённый в июне 2025 г. после запрета, введённого Китаем в августе 2023 г. в связи со сбросом очищенной воды с АЭС "Фукусима-1. Китай также свернул туристические и гуманитарные обмены, "рекомендовав" гражданам не посещать Японию. С учётом того, что китайские туристы составляют около четверти всех приезжающих, мера оказалась крайне болезненной: было отменено почти 1900 авиарейсов.

Напряжённость распространилась и на сферу безопасности. 7 декабря 2025 г. Токио заявил, что китайский истребитель J-15 в течение 30 минут наводил радар управления огнём на японские F-15 у Окинавы; в глазах Токио это означало переход "красной линии", поскольку подобной меры в истории двусторонних отношений ещё не было. В конце марта 2026 г. военнослужащий Сил самообороны был арестован за проникновение на территорию посольства Китая в Токио. Символическим стал и отзыв в январе 2026 г. подаренных токийскому зоопарку Уэно панд, вызвавший большой общественный резонанс и внимание мировых СМИ.

На этом фоне Япония понизила статус Китая в шкале внешнеполитических приоритетов. В "Синей книге по дипломатии" 2026 г., представленной министром иностранных дел Тосимицу Мотэги, говорится, что Китай усилил "одностороннюю критику и принудительные меры", а сам он назван лишь "важной соседней страной" – шаг назад по сравнению с прежней формулировкой "одна из важнейших для двусторонних отношений стран". Таким образом, можно говорить о качественно новом этапе, на котором напряжённость переросла в стадию перманентной конфликтности.

Лексютина Я. В.: Нынешний раунд напряжённости, вызванный неосторожными высказываниями Такаити о возможном кризисе в Тайваньском проливе, укладывается в развивающиеся с 2010 г. центробежные тенденции. В силу сложного исторического прошлого, травматичного для Китая наследия антияпонской войны 1931–1945 гг., нерешённых территориальных споров (острова Сэнкаку / Дяоюй и разграничение исключительных экономических зон в Восточно-Китайском море) и националистических настроений в обеих странах китайско-японские отношения крайне хрупки и требуют осторожного, тщательно выверенного управления.

По остроте и разрушительности нынешняя напряжённость аналогична кризисам 2010 г. (столкновение китайского рыболовецкого судна с японскими кораблями береговой охраны у Сэнкаку, на что Пекин ответил запретом на поставки редкоземельных металлов) и 2012 г. (выкуп японским правительством трёх из пяти спорных островов, после чего Пекин более чем на два года заморозил политический диалог – с 2012 по 2014 г.). Важно, что после этих кризисов отношения так и не вернулись к прежнему уровню: каждый новый кризис снижает их базовый уровень.

Особенность нынешней ситуации в том, что в центре конфликта не традиционная повестка (Сэнкаку, акватории Восточно-Китайского моря, храм Ясукуни, учебники истории), а тайваньский вопрос, который руководство Си Цзиньпина называет "ядром коренных интересов" Китая. Прежде периферийный (с разрыва дипотношений с Тайванем в 1972 г. Токио поддерживал

неофициальные контакты, но воздерживался от заверений по безопасности острова), в последние годы он вышел на первый план: Япония всё чаще – с США, Австралией, ЕС и на саммитах "Группы семи" – публично заявляет о важности мира в Тайваньском проливе. Высказывания Такаити нарушили "красную линию": впервые на уровне премьера была публично артикулирована позиция Японии по потенциальному тайваньскому кризису – причём на фоне интенсифицирующегося сотрудничества Японии и Тайваня.

Журбей Е. В.: Каковы цели взаимных выпадов Токио и Пекина? Адресованы ли их заявления прежде всего внутренней или внешней аудитории?

Стрельцов Д. В.: Цели премьера Такаити были очевидны: консолидировать электорат, продемонстрировать ему собственный "патриотизм" и "решимость отстаивать национальные интересы", повысить личные рейтинги и рейтинги правительства. Следует вспомнить, что Такаити пришла к власти на фоне беспрецедентного падения авторитета правящей Либерально-демократической партии, руководство которой оказалось замешанным в коррупционных скандалах, в условиях, когда у правящей коалиции в нижней палате не было даже простого большинства. Премьер учитывала, конечно, и то, что Китай уже давно воспринимается большинством японцев как недружественная страна, от которой исходит прямая военная угроза, и что в общественном сознании страны доминирует идея необходимости опираться на военную силу в политике обеспечения безопасности. Японцы, кроме того, считают вопрос Тайваня напрямую связанным с безопасностью самой Японии.

Заявление Такаити поэтому было адресовано в первую очередь внутренней аудитории. Эффект от него был очевидным: популярность Такаити существенно повысилась, а через три месяца ЛДП одержала ошеломительную победу на внеочередных парламентских выборах. Думаю, что оно не было согласовано с Вашингтоном, хотя общий его посыл соответствовал духу союзнических отношений и продемонстрировал желание японского премьера "понравиться" американскому президенту.

Лексютина Я. В.: С точки зрения Пекина, высказывание Такаити по поводу Тайваня – это грубое вмешательство Японии во внутренние дела Китая и проявление неуважения к "коренных интересам" Китая. В силу огромной значимости решения тайваньского вопроса для Китая, в Пекине исходят из абсолютной недопустимости создания среди мирового сообщества впечатления о какой-либо "гибкости" китайского руководства в тайваньском вопросе. Реагируя крайне резко на высказывания Такаити, Китай демонстрирует мировому сообществу твердую решимость защищать свой суверенитет над Тайванем и предельно ясно дает понять, что готов дать отпор вмешательству любых внешних сил (таких, как Япония, например) в тайваньский вопрос. Собственно, реакция Пекина на высказывание Такаити призвана послать ясный сигнал не только Японии, но и любым государствам, намеревающимся оказать поддержку Тайваню в той или иной форме.

Между тем, хотя высказывание Такаити не было заранее продуманным и намеренно артикулированным (высказывание было сделано не в рамках программной речи, а как ответ в ходе парламентских обсуждений на вопрос представителя оппозиционной партии), оно, тем не менее, достаточно четко проявило современную линию Японии во взаимодействии с Китаем и растущие опасения в связи со стремительно меняющимся в пользу Китая соотношением военного потенциала двух стран и напористостью Пекина в отстаивании своих национальных интересов. В Токио с возрастающей тревогой взирают на рост оборонного бюджета и военных возможностей Китая, модернизацию армии. Растут и опасения, связанные с возможностью реализации Китаем военного сценария воссоединения с Тайванем, с проведением Пекином специальной военной операции, как видится в Токио, по аналогии с той, которую Россия начала на Украине в феврале 2022 г. Такие опасения подкрепляются возросшей в последние полтора десятилетия военной активностью военно-морских и военно-воздушных сил Китая в непосредственной близости от Тайваня: военные учения, облеты китайскими военными самолётами Тайваня, пересечение ими срединной линии Тайваньского пролива, их вхождение в опознавательную зону ПВО Тайваня и проч. Потенциальная кризисная ситуация вокруг Тайваня способна нанести серьезный вред самой Японии и позиционируется как представляющая прямую угрозу японским национальным

интересам. Так, установление китайского контроля над Тайванем облегчило бы Пекину возможность захватить острова Сэнкаку / Дяоюй, а кризисная ситуация в Тайваньском проливе серьёзно нарушила бы цепочки поставок критически важных для развития технологических секторов японской промышленности полупроводников, большая часть мирового производства которых приходится на Тайвань.

В целом, в Китае стремительно нагнетается истерия вокруг японской угрозы. Япония видится как форсированно ремилитаризирующаяся нация, готовая бросить вызов Китаю, в т. ч. в Тайваньском проливе. В китайских традиционных и социальных медиа доминируют эмоционально насыщенные нарративы, связанные с японской угрозой. Япония выставляется агрессором, а Такаити – агрессивным националистом, стремящимся подорвать суверенитет Китая. Она изображается как неквалифицированный, неопытный и безответственный политик. Такой китайский нарратив адресован как японской, так и международной аудитории – он призван ослабить способность Такаити управлять Японией и подорвать её репутацию в глазах мирового сообщества.

Блок II. Историческая память и идентичность

Журбей Е. В.: Насколько исторический опыт сторон (Вторая мировая война, колониальный период, территориальные споры) определяет их двусторонние отношения сегодня?

Стрельцов Д. В.: Изменению подхода к Китаю способствовали общественно-политические сдвиги, наблюдаемые на протяжении последних двух десятилетий в Японии. Если послевоенное поколение японцев испытывало перед Китаем комплекс вины за милитаристскую политику на материке и совершенные японской военщиной преступления, представители нынешнего поколения не чувствуют своей вины и полагают, что их отцы и деды уже достаточно извинялись, а дальнейшего покаяния уже не требуется. Японские консерваторы к тому же приводят тезис о том, что осужденные на казнь японские военные преступники уже "смыли своей кровью" вину перед материковыми странами Азии. Поэтому нажим Китая на Японию за "недостаточное покаяние" не отвечает общественным настроениям и приводит, наоборот, к усилению антикитайского настроя и к ослаблению пацифистского духа в японском обществе.

Более того, в сознании молодых японцев достаточно сильна тенденция к романтизации "славного исторического прошлого" страны, которое воспринимается некритически. Они не любят вспоминать о преступлениях, совершенных японской армией в Китае. Подавляющее большинство японцев считает, что Япония не проиграла войну Китаю, а капитулировала перед американцами. Нелишне вспомнить, что китайцы, наоборот, считают, что именно они внесли решающий вклад в победу над Японией.

Свою роль играет и изменение расстановки сил на политической арене, отражающее процесс смены поколений. Левые силы, которые делают упор на пацифизм в своей политической программе, а следовательно, на необходимость "заглаживания вины" перед азиатскими соседями и, прежде всего, Китаем, постепенно утрачивают позиции среди избирателей. Существенно ослабло и влияние партии Комэйто, опирающейся на поддержку необуддистской секты Сока гаккай, которая имеет традиционно особые отношения с китайским руководством и которая в свое время сыграла решающую роль в нормализации отношений между двумя странами.

Лексютина Я. В.: В свою очередь, Пекин также видит угрозу своим интересам и безопасности в действиях Токио. В таких действиях Японии, как озвученное Такаити намерение пересмотреть пацифистскую конституцию Японии и три неядерных принципа (не обладать ядерным оружием, не производить его и не допускать проникновения на территорию Японии), в Китае видят прямые подтверждения всегда существовавших опасений о том, что Япония не переосмыслила свое историческое прошлое, не раскаялась в содеянных против китайского народа преступлениях, не стала пацифистским государством. В действиях Такаити Пекин видит тревожащие его сигналы роста японского милитаризма и реваншизма. После её высказываний по поводу Тайваня Такаити стала восприниматься в Пекине как ястреб в вопросах безопасности, как политик, заинтересованный в ремилитаризации Японии. Важ-

но понимать, что любые действия Японии воспринимаются в Китае крайне болезненно через призму исторической травмы, нанесенной японским милитаризмом в годы антияпонской войны 1931–1945 гг. В Китае распространены убеждения о том, что Япония никогда по-настоящему не раскаялась, а её послевоенный пацифизм был навязан Вашингтоном, а не явился отражением истинной моральной трансформации.

Журбей Е.В.: Как исторические (культурные) противоречия между китайским и японским обществами связаны с политико-идеологическими разногласиями двух государств?

Стрельцов Д.В.: После того как в сентябре 2010 г. китайское рыболовецкое судно протаранило японский катер береговой охраны у Сэнкаку, а Япония задержала капитана судна; остальные четырнадцать членов экипажа были освобождены и вернулись в Китай, разразился небывалый кризис: в Китае прошли антияпонские погромы и бойкот товаров, был ограничен экспорт редкоземельных элементов. Эта откровенная враждебность заставила Токио переместить Китай из статуса стратегического партнёра в разряд стратегического противника. Новый виток наступил в 2012 г. после решения о выкупе у частных владельцев островов Сэнкаку: Пекин заморозил политические контакты и диалог по безопасности, антияпонские настроения достигли пика. Эти события широко освещались японскими СМИ, привлекая внимание к масштабному военному строительству Китая, его "территориальному экспансионизму" и стремлению вытеснить Японию с позиции регионального лидера.

В 2020-е гг., уже после отставки Абэ, отношение к Китаю ухудшалось из-за ограничений на экспорт редкоземельных металлов, арестов японских бизнесменов по подозрению в шпионаже, а также получивших резонанс нападений на японских детей в Сучжоу и Шэньчжэне в 2024 г. (в Шэньчжэне погиб 10-летний мальчик), хотя власти КНР, очевидно, к ним непричастны. Антикитайские настроения подпитываются и внутренними сдвигами в Японии – ростом правых партий и ксенофобии на фоне увеличения числа постоянно проживающих китайцев. Многие японцы считают, что китайские иммигранты не уважают местную культуру, причастны к криминалу, скупают жильё и вытесняют жильцов, повышая аренду; раздражает и преобладание китайских покупателей в дорогих бутиках. Правые партии, как правило бездоказательно, обвиняют иммигрантов (китайцы – первые среди иммигрантов в Японии по численности) в том, что те отнимают рабочие места и социальные пособия, и это находит отклик у японцев с низкими доходами.

Общественное отношение к Китаю за десятилетие почти не менялось: с 2013 г. более 80% японцев относятся к нему негативно, чему способствуют территориальные споры, исторические проблемы и опасения военной угрозы, особенно вокруг Сэнкаку. Парадокс в том, что более 60% по-прежнему считают отношения с Китаем важными, а молодёжь относится к нему благосклоннее старшего поколения – за этим стоит понимание значения тесных социально-экономических связей с Китаем для благосостояния страны.

Лексютина Я.В.: Подозрения Китая относительно намерений Токио также усиливаются в связи с наблюдающимся ростом оборонных расходов Японии. Тогда как с 1976 г. оборонные расходы Японии были ограничены 1% от ВВП, в декабре 2022 г. тогдашний премьер-министр Фумио Кисида объявил о намерении Японии увеличить оборонный бюджет до 2% к 2027 финансовому году. Это видится в Пекине как очередное проявление отказа Японии от послевоенного пацифизма и возвращения к милитаризму.

В Китае крайне настороженно наблюдают за укреплением японского военного присутствия на островах, находящихся под японским контролем и в непосредственной близости от Тайваня, таких как острова Сэнкаку и остров Йонагуни. В ноябре 2025 г. министр обороны Японии Синдзиро Коидзуми в ходе визита на остров Йонагуни, расположенный близ Тайваня, заявил о намерении разместить там зенитные управляемые ракеты средней дальности. Токио также размещает крупные военные силы (ракетные батареи, истребители F-35, радиолокационные башни, склады боеприпасов и другие объекты) на острове Кюсю, самом южном из четырёх крупных островов Японии.

Блок III. Геополитическая архитектура и безопасность

Журбей Е.В.: Какую роль в текущем обострении японо-китайских отношений играют США? Насколько автономно в этой ситуации в своих действиях Токио, в том числе по мнению китайской стороны?

Стрельцов Д.В.: США стараются не вовлекаться в японо-китайский конфликт. Например, Вашингтон официально не поддерживает позицию Японии в её споре с Китаем вокруг островов Сэнкаку / Дяоюй, заявляя о том, что вовлеченные в него стороны должны сами договориться между собой. Вместе с тем для японо-китайских отношений японо-американский Договор безопасности служит фактором стабилизации напряжённости. С точки зрения Токио, союз с Америкой сдерживает Китай от силового решения проблемы островов Сэнкаку / Дяоюй, так как попытка захвата территории, находящейся под административным контролем Японии, квалифицируется в рамках договора как нападение и влечёт за собой вступление в конфликт США. Иными словами, речь может идти о полноценной войне между двумя ядерными державами с перерастанием в новую мировую войну. Именно по этой причине с приходом новой администрации в Белом доме японские премьеры каждый раз добиваются от президента США очередного подтверждения обязательств по Договору безопасности, касающегося защиты Сэнкаку. Однако США стараются заранее не артикулировать свои действия в случае обострения обстановки вокруг островов, а уж тем более не заявлять публично об "автоматическом" вступлении в войну против Китая, предпочитая придерживаться политики "стратегической неопределённости".

Нужно понимать, что Япония сегодня находится в существенно более зависимом положении от американских гарантий безопасности, чем это было ранее. Это связано с тем, что Япония воспринимает сложившуюся в настоящий момент среду безопасности как беспрецедентно серьезную за весь послевоенный период, что признал в своем программном выступлении в октябре 2024 г. тогдашний премьер С. Исиба. С точки зрения Токио, страна окружена недружественными государствами и испытывает прямые военные угрозы с трех сторон: Китая, КНДР и России. Там полагают также, что с учётом собственных экономических и военных возможностей Япония неспособна в полной мере противостоять этим угрозам, а потому вынуждена в ещё большей степени полагаться на своего заокеанского партнёра. Такаити поэтому прилагает большие усилия для сохранения тесных личных отношений с президентом Трампом (что продемонстрировала его встреча с американским президентом в марте этого года). Однако надежность США как полноценного союзника, с учётом постепенного ослабления их экономической мощи и военных возможностей, вызывает у многих японцев всё больше сомнений.

Лексютина Я.В.: К данному кризису, во многом вызванному тайваньской проблематикой, Вашингтон, казалось бы, прямого отношения не имеет. Особенность второго срока Трампа – крайне осторожная, выверенная политика по Тайваню: он избегает публичных заявлений о роли США в гипотетическом кризисе и не артикулирует гарантии защиты острова, в отличие от Байдена. Однако своим бездействием администрация косвенно подталкивает Японию к большей активности: размывание роли Вашингтона как гаранта неизбежно вынуждает заинтересованных в статус-кво акторов, таких как Япония, наращивать собственное участие в тайваньском вопросе.

Фактор США влияет и на подход Японии к самообороне. Курс Трампа на принуждение союзников к "разделению бремени ответственности" вынуждает Токио усиливать вооружённые силы, что Пекин расценивает как ремилитаризацию; Трамп неоднократно называл "новый глобальный стандарт" расходов на оборону – 5% ВВП (3,5% на основные военные расходы и 1,5% на смежные). Демонстрируемая США с первого срока Трампа ненадёжность как союзника заставляет Токио быть активнее в вопросах собственной и региональной безопасности и готовиться к военным действиям без американской поддержки.

Фактор США проявляется и иначе: в экспертной литературе распространено мнение, что при росте давления США на Китай Пекин более склонен к нормализации с Японией, не желая единого фронта против себя и ища альтернативы выпадающей торговле с США; когда же давление спадает, он

ужесточает подход к Японии – как с осени 2025 г., когда Трамп ограничил давление ради торговой сделки с Пекином.

Журбей Е. В.: Что означает всплеск противоречий Токио и Пекина в современном геополитическом контексте в рамках СВА, АТР или ИТР? Существуют ли на региональном уровне институциональные механизмы предотвращения эскалации двустороннего конфликта?

Стрельцов Д. В.: Так сложилось, что именно "система оси и спиц" (двусторонних военно-политических союзов США со странами Восточной Азии – Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом), сложившаяся в период холодной войны, остаётся в регионе единственным механизмом обеспечения безопасности, имеющим юридическое оформление в виде договорных обязательств. Многосторонней системы обеспечения безопасности в этом регионе так и не сложилось. Прочие многосторонние форматы в АТР, как с участием Японии, так и без неё, в реальности не выходят за рамки диалоговых площадок, а также институциональных платформ для координации политики в области военной и иных форм безопасности, и потому их трудно назвать эффективной формой предотвращения вооруженных столкновений.

В политическом истеблишменте Японии, как уже отмечалось выше, усиливаются алармистские настроения, основанные на понимании ненадежности гарантий безопасности США. Это толкает правящие круги страны в направлении курса на укрепление собственного военного потенциала, в том числе на случай потенциального конфликта с Китаем. Ещё с начала XXI в. идёт процесс перестройки и переналадки всей военной доктрины Японии в направлении "китайской угрозы". Преобладающим направлением военного строительства уже давно стало юго-западное – защита отдалённых от основной территории островов (Иводзима, Минами-Торисима, Огасавара и др.), очевидно, на случай высадки туда китайского десанта. Действующими сейчас планами там предполагается наращивать возможности по сбору разведданных, раннему предупреждению и наблюдению за Тихим океаном, включая размещение мобильных радаров раннего предупреждения и контроля, строительство портовых сооружений и взлётно-посадочных полос и т. д. Зенитно-ракетные комплексы размещаются на островах Мияко, Исигаки и на острове Ёнагуни, расположенном лишь в 110 км от Тайваня. А на острове Исигаки в префектуре Окинава в 2023 г. была открыта новая база Сил самообороны, на которой дислоцированы установки для запуска ракет "Тип-12" класса "земля – корабль", а также ракеты средней дальности "Тип-03" класса "земля – воздух".

Многое также делается для хеджирования связанных с "китайским вызовом" рисков путём активного развития контактов по линии военных ведомств с "одинаково мыслящими" странами АТР, помимо США, – Австралией, Филиппинами, Южной Кореей, Индией и др. Ставка сделана на приоритетное развитие "сетевых партнерств" с этими странами с различными формами их институционализации.

Блок IV. Геоэкономика и взаимозависимость

Журбей Е. В.: Как торговая и технологическая конкуренция между сторонами (полупроводники, редкоземельные металлы, цепочки поставок) влияет на динамику их политических отношений?

Стрельцов Д. В.: Япония и Китай, несмотря на усиливающуюся конфронтацию, остаются друг для друга крупнейшими экономическими партнерами. В 2025 г. Китай по-прежнему был для Японии вторым после США экспортным рынком, куда она поставляла продукцию на сумму около 130 млрд долл., в основном продукцию машиностроительной и автомобильной промышленности. Импорт из Китая составляет около 162 млрд долл., что отражает доминирующее положение Китая в двусторонней торговле. В целом экономические связи между Японией и Китаем предоставляют Китаю больше возможностей для давления на Японию, чем Японии для давления на Китай.

Япония существенно зависит от поставок из Китая критически важных для её электронной промышленности редкоземельных металлов. Эта зависимость приобрела для Токио характер стратегического вызова после того, как Пекин в 2010 г. ограничил экспорт в Японию этого вида продукции. С того момента Япония стала прилагать активные усилия по диверсификации по-

ставок и укреплению партнерских отношений со странами, предоставляющими ей альтернативу в качестве поставщиков ресурсов. Однако структурная зависимость от китайского импорта, хотя и снизилась с 90% до примерно 60–70%, по-прежнему сохраняется на неприемлемо высоком для Токио уровне. В Токио не без основания считают, что эта зависимость может использоваться Пекином в политических целях.

Лексютина Я. В.: Тесные торгово-экономические связи с Китаем в Токио всё чаще воспринимают как уязвимость и рычаг давления, и эта оценка укрепляется по мере того, как Пекин использует экономические инструменты в политических целях. В нынешнем кризисе Китай ввёл в январе 2026 г. запрет на экспорт всех товаров двойного назначения, а в феврале приостановил поставки критически важных элементов для 20 крупных японских компаний (среди них Mitsubishi Heavy Industries, Subaru, Hino Motors), объясняя это сдерживанием ремилитаризации Японии. В ответ на высказывания Такаити Пекин вновь запретил импорт японских морепродуктов (запрет 2023 г. из-за сброса воды с "Фукусимы-1" был снят лишь в июле 2025 г.), призвал граждан воздержаться от поездок в Японию, отложил премьеры японских фильмов и отменил выступления артистов.

Подобные меры стали устоявшейся практикой, и их учащение усиливает мотивацию Токио снижать зависимость от Китая, диверсифицировать связи и укреплять отношения с США и партнёрами. Снижение интенсивности взаимодействия будет постепенно размывать экономический базис двусторонних отношений – то немногое, что удерживает интерес сторон друг к другу. Изменение отношения уже закреплено документально: в "Синей книге" 2026 г. статус Китая понижен с "одной из важнейших соседних стран" до просто "важного соседа".

Журбей Е. В.: Способна ли экономическая взаимозависимость сторон по-прежнему выступать стабилизирующим фактором, или её роль (под влиянием "избирательного разъединения") снижается?

Стрельцов Д. В.: В глазах Японии Китай является ненадёжным партнером. Это связано с тем, что Китай неоднократно использовал зависимость Японии от экономических связей в качестве политического оружия, причем делал это дозированно и избирательно, то наращивая уровень давления, то снижая его, исходя из собственной оценки его эффективности. На этом фоне Япония в отношениях с Китаем всё больше рассматривает экономические связи не столько как стабилизирующий фактор, сколько как инструмент влияния.

С учётом этого Япония на протяжении длительного времени проводит политику диверсификации цепочек поставок под лозунгом "Китай плюс один". Эта политика поощряет компании создавать вторичные производственные или снабженческие базы в иных, помимо Китая, местах, сохраняя при этом в Китае свое оперативное присутствие. На этом фоне японские инвестиции в Китай сократились за последнее десятилетие примерно на 60%, что, очевидно, отражает восприятие японскими инвесторами Китая как страны с высокими геополитическими рисками.

Что касается обратных инвестиций из Китая в Японию, в стране действует Закон об экономической безопасности, в соответствии с которым правительство достаточно жестко контролирует инвестиции в критически важную инфраструктуру и стратегические отрасли (полупроводники и др.), предотвращая утечку жизненно важных технологий. В отношении Китая, кроме того, действуют жесткие экспортные ограничения, касающиеся передового производственного оборудования, например, для производства микросхем.

Свою роль в восприятии Китая японскими инвесторами играет общее замедление темпов роста экономики Китая, усугубленное продолжительным спадом, и снижающее привлекательность китайского рынка. Япония в своих оценках перспективности китайского рынка также вынуждена учитывать конфликтность в торгово-экономических и политических отношениях Китая с Америкой, являющейся её главным союзником.

Вместе с тем, несмотря на сохраняющуюся на государственном уровне напряжённость, многие японские фирмы продолжают инвестиции в отрасли, обслуживающие внутренний китайский потребительский рынок. Некоторые японские компании для поддержки своего непрямого присутствия на китай-

ских рынках используют совместные с Китаем предприятия, а также предприятия и корпоративные структуры третьих стран.

Лексютина Я. В.: Прогнозируя развитие торгово-экономического взаимодействия между Китаем и Японией и способность экономической взаимозависимости между ними выступать стабилизирующим двусторонние отношения фактором, следует исходить из произошедшей в мире в целом кардинальной переоценки принципов и ориентиров, которыми руководствуются ведущие мировые экономики, и Япония, и Китай здесь не исключение. Эта переоценка была во многом связана с деятельностью первой администрации Д. Трампа, инициировавшего торговую и технологическую войну и декаплинг с Китаем (с подачи Трампа в мировой лексикон вошел термин "декаплинг", позднее дополненный идеей "дерискинга"), а также с ситуацией во время пандемии COVID-19, проявившей уязвимость мировых цепочек добавленной стоимости, и украинским кризисом, заставившим страны Запада переосмыслить роль экономической взаимозависимости в межгосударственных отношениях (на примере кейса с энергетической зависимостью от России).

На смену курсу на углубление глобализации, разделение труда, наращивание торгово-экономических связей в интересах стабилизации отношений, если они характеризовались сложным политическим содержанием, пришла политически мотивированная ориентированность на создание производственно-сбытовых цепочек с опорой на страны, близкие по геополитическим интересам (на союзников и близких партнеров), а тесные торгово-экономические связи с политически чуждыми и конкурирующими странами стали рассматриваться как создающие зависимость и, соответственно, уязвимость, которую необходимо искусственно и целенаправленно снижать или вовсе устранять.

Блок V. Региональное измерение и международные режимы

Журбей Е. В.: Как текущая напряжённость между Японией и Китаем отражается на институтах региональной интеграции? Каким образом она влияет на трансграничные отношения между их соседями по СВА?

Стрельцов Д. В.: На двустороннем уровне Япония не заинтересована в преференциальных торговых соглашениях с Китаем, имеющим крупный профицит, но давно участвует в многосторонних интеграционных структурах с его участием, рассматривая их как инструмент "дисциплинирования Китая", который они вынуждают соблюдать международные нормы в чувствительных сферах: защита интеллектуальной собственности, доступ на финансовые рынки, защита инвестиций. Так, Япония входит во Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) наряду с Китаем, странами АСЕАН, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией, а с 2008 г. ведёт диалог в формате "тройки" (Япония, Китай, Южная Корея); правда, её саммит, намеченный на декабрь 2025 г., Пекин отменил из-за высказываний Такаити.

Институты региональной интеграции играют позитивную роль, предоставляя площадку для диалога и хеджирования рисков. Для Токио многосторонние форматы – возможность откровенного обмена мнениями с Пекином по общим темам, например по корейскому урегулированию. Показательно, что первая встреча лидеров после кризиса 2012 г., начавшая нормализацию, состоялась на полях саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г.; такие институты могут помочь и сейчас.

В отношениях с соседями – Южной Кореей, Тайванем, странами ЮВА – вероятно дальнейшее развитие стратегических связей на основе общего понимания "китайского вызова", особенно со странами, имеющими споры с Китаем в Южно-Китайском море (Вьетнам, Филиппины). С Манилой Токио подписал договор о делимитации исключительных экономических зон, что вызвало гнев Пекина: часть линий разграничения к востоку от Тайваня попала в воды, которые Китай считает своими. В результате 7 июня 2026 г. Китай объявил "специальную морскую операцию" по защите зоны, направив флотилию береговой охраны, на что Тайвань ответил отправкой своих судов, а в Японии это вызвало новый всплеск алармизма. Кроме того, Япония запустила программу "Официальной помощи безопасности" (OSA) для стран Южной и Юго-Восточной Азии и Тихого океана (Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Шри-Ланка и др.), поставляя им патрульные катера, надувные лодки, береговые радары и беспилотники.

Лексютина Я. В.: Текущая напряжённость между Китаем и Японией мотивирует их прикладывать ещё больше сил в направлении ускоренного усиления военного потенциала, наращивания оборонных расходов, укрепления боеспособности армии. Усиление вооружённых сил этих двух стран неизбежно мотивирует и другие страны региона к военной модернизации, что, в конечном счёте, подпитывает протекающую уже по меньшей мере полтора десятилетие в этом регионе гонку вооружений.

Блок VI. Прогностический и концептуальный

Журбей Е. В.: От каких факторов будет зависеть дальнейшее развитие отношений между КНР и Японией? Какое место среди этих факторов занимает позиция и возможные действия России?

Стрельцов Д. В.: На отношения Китая и Японии воздействует множество факторов, но в основе лежит экономика: страны не могут друг без друга, а политика вторична – экономика всегда "вытягивает" политику. Формула "в экономике горячо, в политике холодно" сохранит значение на всю обозримую перспективу.

В краткосрочной перспективе японский премьер не станет дезавуировать свои высказывания о Тайване под давлением Пекина. По мере роста националистических настроений политика Такаити на китайском направлении будет сильнее, чем у предшественников, определяться настороженностью общества: вероятны более строгий контроль доступа проживающих в Японии китайцев к передовым технологиям, ужесточение правил приобретения земли иностранцами и мер против нелегальной иммиграции. Япония ускорит военное строительство и перевооружение Сил самообороны, углубит связи в сфере безопасности с США и партнёрами – прежде всего Южной Кореей и Австралией; новый импульс получат "Четвёрка" (Quad) и стратегические треугольники Вашингтон – Токио – Сеул и Вашингтон – Токио – Канберра. При этом Токио учитывает прагматизм Китая, который то усиливает, то ослабляет давление, и потому сохранит осторожность, рассчитывая на ответное "благоразумие" Пекина, не заинтересованного в чрезмерном антагонизме.

В более долгосрочной перспективе вероятно сохранение "управляемого соперничества" – сосуществования официального сотрудничества и стратегической конкуренции; со снижением напряжённости стороны возобновят визиты на высоком уровне и продолжат торговлю. Полной независимости от Китая, особенно в импорте ряда природных ресурсов, Японии в обозримом будущем не достичь, тем более что по мере декарбонизации спрос на критические минералы будет расти, усиливая уязвимость к давлению Пекина. Поэтому будет развиваться стратегия экономической безопасности на основе хеджирования рисков – диверсификации цепочек поставок, расширения сети партнёрств и диалога с "одинаково мыслящими" странами. Со временем, вероятно, установится новая точка равновесия, отражающая понимание Японией стратегической важности отношений с Китаем для собственных интересов.

Что касается России, японское руководство традиционно рассматривает её через призму военно-технического и иного сотрудничества с Китаем, способного иметь антияпонскую направленность. Именно это было одним из мотивов сближения с Россией при кабинетах Абэ, который объяснял свои действия стремлением "оторвать" Россию от Китая и не допустить их блокирования против Японии. После 2022 г. этот мотив утратил значимость ввиду безальтернативности для России особых отношений с Китаем на фоне СВО, и потому отношения Японии с Россией, лишившись "китайского фактора", остаются в низшей точке.

Лексютина Я. В.: При анализе перспектив преодоления нынешнего кризиса в китайско-японских отношениях важно учитывать современный внутриполитический контекст Японии, где всё большей поддержкой пользуется жёсткий подход в отношении Китая. Как внутри правящей коалиции, так и среди оппозиционных партий политиков, готовых или способных выступать за диалог и развитие тесных отношений с Китаем, становится всё меньше. Выступая в поддержку нормализации отношений с Китаем, японские политики рискуют быть причисленными к "прокитайским" силам, утратить поддержку со стороны электората и не пройти на выборах. В общественном восприятии Японии Китай уже становится экзистенциальным противником –

противником, непосредственно и постоянно угрожающим. Этому способствует сохраняющаяся с 2010 г. напряжённость в двусторонних отношениях, сопровождающаяся интенсивным негативным информационным фоном, в т. ч. за счёт распространения в социальных медиа новостей об инцидентах с преследованиями китайскими кораблями береговой охраны японских рыболовецких лодок возле островов Сэнкаку, о военно-морских учениях НОАК и прочих проявлениях военной активности Китая в спорных акваториях и над ними. Так, состоявшиеся в феврале 2026 г. выборы в нижней палате парламента впервые в послевоенной истории Японии обеспечили супербольшинство Либерально-демократической партии Такаити, что, по существу, свидетельствовало о поддержке японской общественностью китайско-японского противостояния, вызванного высказываниями Такаити в ноябре 2025 г.

Таким образом, одним из важнейших факторов, который будет определять развитие китайско-японских отношений в предстоящие годы, является внутриполитическая ситуация в Японии. Она будет затруднять деэскалацию конфликта и способствовать курсу Токио на снижение торгово-экономической связанности с Китаем и, напротив, укреплению связей с США и их союзниками и партнерами.

С учётом обрисованной выше внутриполитической ситуации в Японии и ввиду непреходящей важности тайваньского вопроса для Китая резонно предположить, что процесс деэскалации будет сложным, и, если или когда она произойдет, китайско-японские отношения стабилизируются на гораздо более низком уровне, чем до высказываний Такаити. Важным фактором, определяющим дальнейшее развитие китайско-японских отношений, станет актуальное содержание двусторонних противоречий. Если Япония продолжит эскалацию своей риторики и деятельности в вопросах, затрагивающих тайваньский вопрос, напряжённость будет только возрастать.

Что касается возможного фактора России в китайско-японских отношениях, дальнейшее укрепление российско-китайского стратегического партнерства и активизация совместных военных учений в морских акваториях и воздушном пространстве АТР будет способствовать росту обеспокоенности Японии за собственную безопасность и, соответственно, наращиванию её военного потенциала, что неизбежно усилит убежденность Пекина в ремилитаризации Японии.

◆

Информация об авторах

Дмитрий Викторович Стрельцов, д-р ист. наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, e-mail: Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the authors

Dmitry V. Streltsov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Evgeny V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 24.06.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 24.06.2026 Accepted 25.08.2026